

УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/4

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ*

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович передает содержание книги Н.И. Антоновича, видного деятеля галицко-русского движения, в которой автор предлагает свое видение деятельности этого движения в Галиции. Даная книга была конфискована австрийской цензурой.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Галиция, русины, Австро-Венгрия, русинское возрождение.

GALICIAN RUSSIAN POLITICS OF THE LAST YEARS*

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich presents the content of N.I. Antonovich's book. Antonovich was a prominent figure in the Galician Russian Movement. The author gives his view of the Movement in Galicia. The book was confiscated by Austrian censorship.

Keywords: A.S. Budilovich, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Rusin Revival.

В числе нынешних общественных и политических деятелей Галицкой Руси одно из первых мест занимает учитель перемышльской гимназии и посол Львовского сейма д-р Ник. Антоневи́ч. В прежнее время, когда в Галиции действовали Яхимович, Куземский, Ковальский, Наумович, Антоневи́чу не приходилось быть представителем так называемой «святоюрской», или старорусской партии; но в последние годы обстоятельства постепенно выдвинули его на первое место в ряду нынешних общественных деятелей Галицкой Руси. Это особенно выразилось со времени наступления так назыв. «новой

* Антоневи́ч Н. Галицко-русская политика. Львов, 1891.

** Antonovich N. Galician Russian Politics. L'vov, 1891.

эры», после того как осенью 1890 года учитель львовской гимназии и депутат сейма Романчук выступил с программой примирения русских галичан с поляками и с правительством на началах довольно близких к польской и украинофильской программе. Антонецкий первый от имени галицко-русского народа выразил протест против этой программы и с тех пор сделался как бы представителем исторического русского направления в Галичине. Это особенно обнаружилось во время январского веча во Львове, на котором появление Антонецкого вызвало небывалую овацию и единодушное заявление, что его знамя является национальным для русских галичан.

Тем интереснее узнать мнение о галицких событиях последнего времени такого компетентного лица и деятеля. Мнение же это изложено им в особой брошюре, озаглавленной «Галицко-русская политика. Записки посла д-ра Ник. Антонецкого». Львов, 1891 г. Она напечатана в конце истекшего года, но конфискована еще до выхода в свет по требованию прокуратуры. Эта конфискация была затем подтверждена львовскими судами первой и второй инстанций, так что брошюра эта как бы не существует в печатном виде, а может рассматриваться как рукопись. Это обстоятельство заставляет нас несколько подробнее ознакомить читателей с ее содержанием, которое вместе с тем представляет последний фазис в развитии русско-польских отношений в Галиции.

А. Б.

Изложив в начале брошюры некоторые обстоятельства своей служебной деятельности и отразив распространенные врагами упреки в оппортунизме и пристрастии к полякам и шляхте, которые достаточно уже опровергаются одним фактом 25-летнего служения столь выдающегося лица на одном и том же скромном учительском месте, г. Антонецкий переходит к общественным и политическим отношениям в Галиции последних лет.

Автору брошюры приходилось беседовать с сотнями галицко-русских патриотов, и он убедился, что так называемая «новая эра» принесла с собой весьма печальные результаты и вызвала нынешнее невыносимое положение русских патриотов. Но народ русский не поддался на эту удочку, и, несмотря на восхваление «новой эры» в многочисленных адресах, вызванных то приказами и угрозами, то просьбами и обманом, намерение сокрушить «русофильскую» партию потерпело полное фиаско. Даже генеральное собрание младорусской «Народной рады», которое должно было пропеть этой партии «вечную память», не имело успеха, что весьма огорчило устро-

ителей этого собрания и протекторов «новой эры», а Романчуку поневоле и по внушению свыше пришлось примириться с неудачей. Партия «старых» оказалась сильнее «молодых». В настоящее время ни для кого уже не тайна, что все эти обещания уступок «для блага Руси» были лишь сплошной комедией и обманом. Это сознавал и сам Романчук, который после злосчастного 13 (25) ноября 1890 г. «пожелтел, почернел и трясся всем телом», так что даже ободрения брата наместника, «сердечного» гр. Ст. Бадени, не могли его успокоить. Романчук оправдывался тем, что его «втянули» в последний момент; он согласился, ибо верил в обещанные уступки, «а если этих уступок русским не будет, - говорил он, - я сложу с себя посольский мандат и больше не буду заниматься политикой». Не одобряли поведения Романчука и его единомышленники.

При начале последней сессии сейма (в 1890 г.) гр. Ст. Бадени сообщил русским послам, что интерпелляции их, очень внимательно прочитываемые императором, раздражают наместника, и советовал им не вносить больше подобного рода заявлений, дабы снискать себе расположение последнего, «который много может сделать». Антонец и Герасимович обещали представить этот вопрос своему клубу. Это не понравилось графу, и переговоры с ними на этом и кончились. Вскоре, однако, они узнали, что переговоры ведутся дальше. Разошлась весть, что министр Залеский посетил депутата Телишевского. На запрос в клуб д-ра Короля о целях этого посещения Телишевский наивно отвечал, что он дважды был у наместника по делам своего турецкого уезда, не застал его дома, и Залеский только отвечал ему визитом. Никто, конечно, кроме Романчука, не удовлетворился этим ответом. При таком положении дел в русском клубе не заметно было прежней деятельности, хотя в начале сессии русские послы обещали продолжать свои интерпелляции и предложения. Все ограничивалось обещаниями. Замолк и Телишевский, вносивший за год перед тем такое обилие запросов. В 1889 г. членами русского клуба было сделано множество самостоятельных предложений и интерпелляций, между тем в 1890 г. число их значительно сократилось. Сами заседания стали реже и ограничивались прениями по поводу устава и программы. Дуализм русского клуба становился все более и более очевидным; громко уже говорили о переписке одной части его с Министерством иностранных дел и об усиленном ходатайстве некоторых русских депутатов сейма относительно передачи издания школьных учебников из рук старорусской Ставропигии младорусскому Обществу имени Шевченко.

В это время Телишевский, поддерживавший связи с польским обществом, вступил в какие-то переговоры, о которых, однако, рус-

ский клуб не был уведомлен. О проекте соглашения, жертвой которого сделались русские «старой» партии, стали говорить и многие из депутатов-поляков. Таким образом, Галицкая Русь удостоилась нового «соглашения».

Для ближайшего объяснения последовавших затем событий автор считает необходимым остановиться, хотя и «с отвращением», на жалкой манифестации 13(25) ноября 1890 г. Автора упрекали в том, что в своей речи он восставал против народных читален и порицал всю украинскую литературу, между тем он в ответ на восхваления о Сечинском западной культуры заявил только, что влияние Запада сказывается и на русских читальнях в виде распространения в них женеvских изданий, грозящих подорвать религиозность и нравственность русских галичан. Что касается речи Романчука, то автор возражал против нее прежде всего потому, что она была явным нарушением клубного устава и шла вразрез с его солидарностью. Сверх того, Романчук в партийном ослеплении обвинял первых галицко-русских писателей за заимствования из языков и славянского, и «российского», благодаря которым их язык, «не будучи еще российским, перестал-де уже быть русским». Отсюда следовало-де неизбежно и признание общерусского национального единства, что выражено-де было еще в 1866 г. одной из «русских» политических газет («Слово»). В нападках этих Романчук дошел до того, что стал обвинять самого себя, так как и он немало содействовал «русификации» галицкого наречия как бывший сотрудник «Слова».

Чтобы показать, как смотрели на этот вопрос «украинцы чистой воды», автор приводит мнения Н.И. Костомарова и А.А. Потебни, лично им слышанные еще в 1863 г. в обществе Ад.И. Добрянского, покойного С.Ф. Раевского, Маркелла Лавровского, О.Н. Ливчака и др. Костомаров, показавшийся автору рьяным русофилом, прямо заявил-де, что утверждать, будто малорусы и великорусы (Ruthenen und Russen) - различные народы, было бы слишком смело. «Есть-де различия в выговоре, однако это недостаточно для такого заключения; говорить же о двух русских языках - это просто вздор!» В разговоре по этому предмету, продолжавшемся, по словам автора, около 3-4 часов, Потебня категорически заявил, что нет этнографа и философа, который в состоянии был бы провести границы между малорусским и великорусским населением: до того они сливаются в соседних селах. Возражения М. Лавровского, стоявшего на украинофильской точке зрения, были-де весьма слабы и легко были опровергнуты. Порицая украиноманию, которая ведет неопытную русскую молодежь к гибели, Потебня говорил, что главными и самыми ловкими апостолами являются студенты-поляки Киевского универ-

ситета. Между русскими студентами Львовского университета были даже и такие, которые мечтали об очистке «русского» языка от всех слов, употребляемых «москалями». Действительно, в это время начали «ковать» диковинные слова, вроде «шаноба», «шана», «шанибный» и др., которые не могли, однако, утвердиться в языке, тем более что сочинения украинских писателей по-прежнему наполнены словами «московскими», как, напр., приказчик, денщик, семейство и проч. Изгнание общерусских слов нельзя не назвать сепаратизмом, хотя некоторые считают это «борьбой за самостийность русско-украинского языка». Ничтожные результаты, достигнутые такими деятелями, лучше всего характеризуют цену этих усилий.

Соглашаясь вполне с Романчуком, заявившим, что галицкое наречие развивалось быстро благодаря трудам первых галицких писателей, автор добавляет, что 1860 год в этой деятельности был кульминационным пунктом. Достаточно-де упомянуть о трудах Б.А. Дедицкого, Устиановича, Федьковича, Гушалевича, Лисикевича и др. Победа над проектом гг. Иречка, Евтс. Черкавского и Голуховского, желавших навязать галицким русским латинскую азбуку, одержанная в 1859 г. Куземским, Головацким, Лозинским, Малиновским и Дедицким, еще более укрепила силы галицко-русских патриотов.

Тогда Голуховский и комп. выдумали для Руси новую орфографию, или, вернее, какографию, против которой опять единодушно восстала вся Галицкая Русь.

В 1864 г., познакомившись во Львове с советником Юлианом Лавровским, автор и от него услышал мнение, что галичанам не следует допускать общерусского единства, хотя бы в этнографическом лишь отношении, ибо в таком случае ни правительство, ни поляки им «ничего не дадут». «Нам следует действовать дипломатически, - говорил Лавровский, - если мы желаем принести пользу для всей Руси». Автор отвечал ему на это, что в Вене сов. Суммер сделал еще более радикальное предложение, а именно – образовать из галицко-русского наречия три языка: гуцульский, подольский и лемковский, чтобы таким образом совершенно отделить галицких русских не только от «москалей», но даже и от украинцев.

Что касается упомянутой какографии, то она все еще не исчезла, а живет донныне, пожалуй, даже в худшем виде, с уродливыми «пикельгаубами», и называется «школьной правописью»! Нет сомнения, что со временем выйдет и третье ее издание, а в конце концов она распадется сама собой, ибо правописание, которого никто, кроме газетки «Учитель» и издателей школьных учебников, не придерживается, не имеет прав на существование. Характерно-де и то обстоятельство, что поддерживаемые правительством газеты «Вестник», а

позже и «Мир» употребляли хороший язык и старое правописание, хотя уже тогда существовала какография.

Поборником литературной отдельности малорусского «языка» в последнее десятилетие был особенно проф. Э. Огоновский, хотя раньше, до 1860 г., он тоже держался старых преданий в языке и правописании. Перемена в этом отношении совпала с назначением его профессором Львовского университета, которое вызвало сильное негодование среди тогдашних украинцев. С этого времени проф. Огоновский отрекся от прежних убеждений и стал во главе украинского направления в галицко-русской литературе.

В начале 1872 учебного года он прочел торжественную речь, в которой высказал свои взгляды на историю славянских языков, особенно же русского, все более и более настаивая на полной самостоятельности малорусского языка, или «мовы». Г. Антонец опровергает его положения собственными же словами Огоновского и теми противоречиями, которые незаметны лишь для официальных славистов Австро-Угрии.

Далее автор указывает на столь же странные противоречия в намерениях поляков на галицко-русские отношения в последние десятилетия, именно с тех пор, когда национальные идеи стали учитываться и в галицком обществе. Считая это пробуждение народного сознания пустым капризом, поляки в унисон кричали: «Niema Rusi!» и стали доказывать, что галицко-русский говор есть только «наречие образованного польского языка». Когда же это наречие в дальнейшем развитии стало быстро приближаться к языку «российскому», тогда они обозвали этот диалект московским и в употреблении его стали видеть и преследовать чуть не государственную измену.

Польские дипломаты стали внимательно следить за стилем русских галичан, разделяя их на «москалей-русофилов» и на «истинных русинов», смотря по процентному отношению общерусских или местных терминов и форм в языке галацких писателей. Есть, однако, и между польскими учеными люди, которые не любят галичан за желание оставаться такими, какими создал их Бог и сделала история. Так, проф. Львовского университета Л. (проф. Лиске?) в беседе с Антоневичем сказал ему однажды: «У вас есть прекрасная земля, способные люди, есть определенное будущее, если только вы сумеете заткнуть тот мешок, из которого постоянно сыплются перекинчики».

Далее автор доказывает, что между Малой и Великой Русью не было никогда этнографического различия, причем ссылается на летописи и даже польские хроники. Со времен Иоанна III последние даже перестали употреблять термин «Московское царство», заменив его названием «Русь», «Россия». Потому-то и первые польские

учебники всеобщей истории, излагая события XVI и XVII вв., всегда говорят: «wojny ruskie», «stosunki ruskie». Также выражался-де г. Леванель, не подчинявшийся шовинистическим взглядам польских эмигрантов.

Исторические права русских галичан, говорит далее автор, основываются на том факте, что Галичина присоединена была к Австрийской монархии не как польская провинция, но как исконно русский край, как Галицко-Владимирское королевство (Regnum Galiciae et Lodomeriae). Но судьба заставила их жить вместе с другим славянским племенем, поляками. Для этой совместной жизни необходимо найти какой-нибудь *modus vivendi*, если уже невозможно полное согласие. Насколько, по мнению автора, русские галичане обладают всеми необходимыми для искреннего и прочного согласия данными, настолько у большинства поляков замечается отсутствие таковых. Самые горячие русские патриоты, любя свой язык, свою церковь, дорожа своими национальными идеалами, уважают и то, что дорого полякам; они читают и говорят по-польски. Между тем польский горячий католицизм явно переходит-де в ультрамонтанство, а патриотизм – в шовинизм. Для значительной части поляков русская церковь в русский язык кажутся чем-то низким; понятия *русский человек, холоп, варвар* для них синонимы. Неудивительно поэтому, что в прочное и искреннее соглашение с поляками всем как-то мало верится. Печальным надо признать и тот факт, что один из послов Державной думы, сам славянин, открыто заявил, что для него славянство не стоит и понюшки табаку. Еще печальнее то, что этим шовинизмом увлекаются и некоторые русские политики, мечтающие, быть может, на этом фундаменте да на взаимной ненависти к «москалям» заключить прочный договор. Весьма знаменательно и следующее признание гр. Мир., бывшего губернатором в Боснии, человека весьма дальновидного и образованного, с которым Антонец беседовал о примирении с поляками и которому выразил свое мнение относительно его возможности, так как среди нынешнего поколения поляков нет еще зрелого для этого материала. «Вы вполне правы, - сказал граф. - Мы, мужчины, могли бы приступить к делу, но наши женщины и ксендзы никогда не признают примирения на началах равенства!» Надо поэтому ждать других поколений или перемены воззрений польского общества.

Вторая причина, по которой примирение с поляками в настоящее время невозможно, кроется-де в нынешнем настроении поляков. Веря искренне в воскресение Польши «от моря до моря» и надеясь, что оно осуществится при содействии Австрии, они считают необходимым всеми мерами усилить польский элемент. «Всякие уступки

Руси были бы ослаблением Польши, следовательно, они немислимы!» Покойный посол Янко, горячий польский патриот-демократ, говорил автору: «Я сознаю, что вы справедливо жалуетесь на обиды, наносимые вашему народу поляками и правительством, но мы не можем делать вам уступок; вы не имеете понятия о том, какими путями и какой ценой приобрели мы от правительства некоторые из них, да и то административным путем! Наша делегация буквально поступила на службу немцам... Мы отреклись от самих себя, от наших преданий и идеалов, а вы хотите, чтобы мы поделились с вами тем, что нам так дорого досталось»...

Таковы были воззрения поляка-демократа, человека до известной степени беспристрастного. Как же тут мириться! С одной стороны, русофилы и чистой воды славянофилы, а с другой – русофобы, для которых все славянство не стоит и понюшки табаку (Поповский); с другой стороны, убеждение, основывающееся на истории, что Червонная Русь - искони русский край, а с другой - предрассудок, будто эта Русь - неотъемлемая часть польского организма. Однако, по мнению автора, примирение и даже не в далеком будущем возможно, ибо и сельское сословие, и большая часть мещан стоят, безусловно, за искреннее соглашение; даже среди духовенства и женщин-патриоток найдутся личности, стоящие за него. Так как несомненно, что убеждения поляков при усилении демократических идей изменятся, то и русским следует изменить свою «тактику». «Мы должны, - говорит Антонец, - обращаться с поляками вполне откровенно, но не отступать от своих национальных убеждений; тогда среди нас не будет ни лизунов, ни перекинчиков. Притом мы должны заняться нашим народом, улучшением его материального и нравственного быта». Не следует только рассчитывать на уступки «из милости», так как их следует приобрести честной борьбой.

Уже с первых дней возрождения Галицкой Руси начались попытки соглашения, которые, однако, не могли быть прочны. Русские были слабы, и поляки не могли считать их равными себе, а примирение со слабым – это только «служебный договор».

Ни «соглашение» Лавровского, воодушевившее на некоторое время Галицкую Русь, ни переговоры Фомы Полянского, верившего в добрые чувства поляков, не привели ни к чему. Поляки стали требовать от Полянского, чтобы он «бросал грязью в своих», и он решил оставить политическое поприще.

Так же бесплодны были и переговоры Стеф. Качалы с кн. Юр. Чарторыским, Черкавским и др. В эпоху этих переговоров русские послы придерживались «святоюрской» политики, т.е. верно служили правительству, даже во вред собственным интересам. Вскоре, однако,

все убедились, что пора изменить эту политику, что сервильизм в ней совершенно неуместен и вреден, что следует не просить милостыни, а решительно домогаться справедливости, тем более что само правительство признавало исторические права Галицкой Руси. К чести украинофилов, они первые вступили на этот новый путь. Последовал славный период народных веч, период согласного действия галицко-русских партий. Польские дипломаты встревожены были этим согласием и всеми мерами старались ослабить впечатление, произведенное вечерними манифестациями. В Вене русских галичан ославили как анархистов и социалистов, в Риме – как тайных схизматиков и опасных русофилов. Рим решил обратиться к помощи иезуитов в искренних католиков и отдал иезуитам Добромилль, а с ним и русское монашество; известный ультракатолик митрополит Иосиф был удален за свою преданность народу; начался ряд социалистических процессов и, наконец, знаменитый Hochverrathsprozess 1882 г. Но все это ни к чему не привело. В Вене, благодаря «высоким покровителям», убедились в непоколебимой преданности русских галичан престолу, в их верности и преданности своей церкви. Энергическая «рейхсратная тройца» - Ковальский, Кулачковский и Озаркевич - много содействовали укреплению такого убеждения, и это обстоятельство привело к новому «соглашению» 1883 года.

Переговоры начались по желанию министра Земляковского, который заявил о. Николаю Виницкому, что гр. Альфреду Потоцкому поручено переговорить с виднейшими русскими патриотами. По предложению о. Виницкого, старавшегося первоначально привлечь к этому делу сов. Ковальского, который отказался от участия в нем, не надеясь на успех переговоров с поляками, был избран для ведения переговоров Антоневиц. Он написал обширное письмо (как было условлено) по адресу о. Виницкого, в котором развивал свои взгляды на возможное соглашение. Письмо это, написанное по-польски, предназначено было собственно для министра Земляковского; но оно произвело, по уверению о. Виницкого, прекрасное впечатление и на гр. А. Потоцкого, а также на нового наместника Залеского. Когда гр. Потоцкий потребовал от Антоневица список лиц, с которыми следует вести переговоры, то он предложил в члены совещания о. Петрушевича и о. Павликова из своей (старорусской) партии, а д-ра Ал. Огоновского и Юл. Романчука – из украинской. Все приняли предложение гр. Потоцкого, тем более что, как скоро обнаружилось, он был посредником не поляков, а центрального правительства и, вероятно, самого государя. При таких обстоятельствах соглашение с гр. Потоцким представляло для Руси более гарантий, чем так называемая «новая эра». Это «соглашение», сохраняемое до сих пор в тайне, в

высшей степени замечательно. Деятельное участие в составлении его принимал Романчук. Вот почему трудно простить ему роль в «новой эре», которой он уничтожил и свое собственное дело.

Наиболее замечателен финал этого «соглашения». Принимая от русских депутатов готовый доклад, покойный граф произнес памятные всем слова: «Этот документ будет странствовать, поедет в Вену, вернется во Львов и снова в Вену; вы получите то, что вам следует, но не сразу, а постепенно... Правительство должно, однако, удовлетворить вас, ибо вы доказали, что у вас есть сила!» Этой силой, по замечанию автора, является народ. С этим согласился и гр. Потоцкий. «Поэтому вся наша деятельность, - заключает Антонович, - должна быть направлена на то, чтобы солидарностью снова приобрести силу; мы должны заботиться не только о просвещении, но и о материальном и нравственном возвышении нашего народа. Это начало и конец нашей политики».

Польская дипломатия, как мы уже заметили, усиленно старалась умалить значение «соглашения» с гр. Потоцким, а так как им интересовался сам император, то русских галичан представляли ему как «схизматиков», социалистов, анархистов, москвофилов и т. д. Все же, благодаря этому именно «соглашению», открыты были русские параллельные классы при перемышльской гимназии, и получено было место одного члена в областной управе; этим же обусловлено было распоряжение министра юстиции (от 9 июня н. ст. 1891 г.) относительно ведения ипотечных книг на русском языке. Русские послы считали своим долгом и дальше путем интерpellаций и предложений требовать других уступок, рассчитывая и впредь на сочувствие верховной власти.

В сеймовых кружках и за сеймом рассказывали следующую историю, или, скорее, легенду, которая как нельзя лучше характеризует положение русских. При императорском дворе и бедная Русь имела-де своих покровителей. Самым влиятельным из них был покойный наследник Рудольф, всегда горячо защищавший Галицкую Русь, особенно после поездки по Галичине. Император, внимая заступничеству любимого сына, потребовал основательного разъяснения галицко-русского вопроса, что возложено было на одного из венских гофратов, считавшегося знатоком галицких отношений. Он должен был представлять императору точные рапорты о польско-русских отношениях в Галичине. Оружие враждебной польской дипломатии тупело, и желаемый эффект не был достигнут. Дошло до того, что, как гласит легенда, одному высокопоставленному защитнику польской дипломатии было замечено: «Вы, наверно, смотрите на галицкие отношения через ваши специальные очки!»

Польская дипломатия убедилась теперь, что возведенное интригами здание скоро распадется вдребезги. Между тем русские послы проявили замечательную деятельность как в сейме, так и в Державной думе и на львовском вече 1889 г. Наиболее замечательна памятная интерпелляция их в сейм 16 ноября 1889 г., «поразившая интригу в самое сердце». Автором ее был собственно посол Кулачковский, Романчук же занялся лишь ее окончательной отделкой и первый подписал ее, принимая, таким образом, на себя ответственность за ее содержание. Эта интерпелляция была, без сомнения, не на руку областному управлению; лучшим доказательством этого служит тот факт, что русские послы М. (Мандычевский?) и О. (Озаркевич?), считавшиеся всецело правительственными, не хотели подписать ее. Сильное впечатление должна была произвести она и в Вене. В интерпелляции этой было сказано, что поляки, желая подавить национальное, культурное и экономическое развитие Галицкой Руси, представляют «русских», трудящихся на этом поприще, революционерами и социалистами, раздувая единичные и самые ничтожные факты до невероятных размеров.

Эта интерпелляция, а также решительный и солидарный образ действий русских послов на сейме 1889 г. вызвали в русском клубе мысль об изготовлении общей программы, которой в будущем руководилась бы вся Галицкая Русь. Изготовление ее поручено было Романчуку как председателю посольского клуба. 13 (25) марта 1890 г. созваны были Романчуком доверенные лица из Львова и провинции, одоббившие набросок его программы примирения и стремление к разделу Галичины, предложенное самим Романчуком. Но ни проект соглашения, ни политическая программа Галицкой Руси, ни адрес императору с жалобами на состояние Галичины не были готовы к сроку (к маю 1890 года).

Когда осенью 1890 г. снова собрался сейм, Романчук вместе с послами Кулачковским и Рожанковским снова принялся за изготовление программы общих действий. Замечательно, что программу эту Романчук обсуждал еще за несколько дней до произнесения так назыв. «своей программой речи» в сейме, и это обстоятельство служит лучшим доказательством, насколько неожиданна была эта речь для членов русского клуба. Но и на всех галичан она произвела чрезвычайно тягостное впечатление. Как школьники или грешники исповедали Романчук с К⁰ свое «credo» перед теми, кого никто не считал образцом лояльности. Еще страннее было подобное исповедание политической веры в устах митрополита, произнесенное перед либералами и жидами Львовского сейма. Что в этом не было никакой надобности, подтверждается заявлением правительственного ко-

миссара в сейме (24 окт. 1890 г.) о твердой вере правительства в лояльность русского народа к австрийской монархии и ее династии. Еще меньше оснований было для исповедания религиозного, ибо в Австрии свобода вероисповедания обеспечена основными законами.

Чтобы исправить все это зло и восстановить добрые отношения между галицко-русскими партиями, автор считает необходимым;

1) Совершенно забыть о «новой эре», а тем из послов, выборы которых состоялись «известным» всем способом, сложить с себя свои мандаты или, по крайней мере, отречься от служения своим протекторам.

2) Литературные и языковедные споры предоставить ученым и писателям, в компетенцию которых входит и вопрос об образовании литературного языка.

3) Остерегаться всякого нигилизма как в литературной, так в особенности в политической жизни, где он, как доказала «новая эра», действует самым разрушительным образом.

4) Заняться просвещением народа, улучшением его материального и нравственного быта.

5) Для достижения этой цели необходимо учреждать читальни, общественные склады хлеба и разных товаров, организовать общества трезвости, созывать веча и т. п. Тогда поляки, убедившись в нашей силе, перестанут мешаться в наши дела и оставят свои «сердечные указания» для себя.

Источник: *Будилович А.С. Галицко-русская политика последних лет // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнал. 1892. Т. 2. Май-август. С. 416-427.*

Source: *Budilovich A.S. Galician Russian Politics of the Last Years. Slavic Review. A Historic, Literary, Political Journal. 1892. Vol. 2. May-Aug. pp. 416-427.*

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

Антоневич Николай Иванович (1840-1919) - галицко-русский историк, публицист, политический деятель, депутат Галицкого сейма и австрийского парламента. Автор книги «Галицко-русская политика» (1891), которая была конфискована австрийской цезурой.

Antonevich Nikolai Ivanovich (1840-1919) - Galician Russian Historian, Publicist, Political figure, Deputy of the Galician Sejm and Austrian Parliament. Author of the book "Galician Russian Politics" (1891) which was confiscated by Austrian censorship.